

«Самым главным в жизни папы был театр»

В конце сентября этого года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося театрального режиссера Георгия Александровича Товстоногова, более 30 лет руководившего Большим драматическим театром, который сейчас носит его имя. В БДТ Георгий Александрович умел собирать вокруг себя талантливейших актеров, таких, как Евгений Лебедев, Людмила Макарова, Олег Басилашвили, Татьяна Доронина, Сергей Юрский и многие другие. Каждая его постановка была настоящим театральным событием. Зрители до сих пор помнят «Холстомера» по рассказу Л.Н. Толстого и «Хануму» с Людмилой Макаровой, Николаем Трофимовым, Валентиной Ковель. Сегодня о своем отце нам рассказывает сын Георгия Александровича, оперный режиссер Вадим Георгиевич МИЛКОВ.

— Вадим Георгиевич, давайте начнем с юбилея вашего отца. Вам понравилось, как в БДТ отметили столетие Георгия Александровича?

— Они сделали все очень хорошо. Было много материала, связанного именно с творчеством папы, а не с его общественной деятельностью. Началось все с концерта, а закончилось банкетом.

— А сам театр сильно изменился?

— Театр стал другим. Театр — это ведь живой организм, и папа всегда говорил, что театр должен существовать 20—30 лет, а потом он умирает. Театр комедии, когда умер Николай Акимов, тоже долго не мог оправиться от утраты. Художественные руководители менялись как перчатки. Только в последнее время появилась какая-то стабильность.

Я помню, когда папа ушел из Театра имени Ленинского комсомола, то после этого художественные руководители там менялись каждый год. Артисты никого не могли принять, хотя приходили такие яркие люди, как Ролан Быков или Павел Хомский. Только когда появился Геннадий Опорков, а поколение Товстоногова ушло, театр стал развиваться, но уже в другом качестве. А первое время после ухода руководителя начинается распад. Это закон.

— Вы помогали Георгию Александровичу в постановке спектаклей в БДТ, а чем вы занимаетесь сейчас?

— Я оперный режиссер. Преподаю в консерватории и на философском факультете университета им. Герцена, читаю теорию драмы. Раньше в консерватории на режиссерском факультете я преподавал актерское мастерство, сейчас набрал курс оперных режиссеров. Это единственное место в стране, где готовят профессиональных оперных режиссеров — в московском ГИТИСе готовят режиссеров музыкального театра вообще. Как режиссер я сейчас в театре имени Андрея Мironова у Рудольфа Фурманова ставлю спектакль «Рюи Блаз» по Виктору Гого, но основное мое назначение — опера.

— А что такое профессия оперного режиссера?

— Опера появилась в XVII веке, и роль режиссера тогда осуществляли авторы или дирижеры. В XX веке Станиславский из вспомогательной роли перевел эту функцию в профессию, так возник режиссер и в опере тоже. Ведь в драме всегда кто-то был режиссером. В театре Уильяма Шекспира — сам Шекспир, в театре Мольера — сам Мольер. Так что профессия эта была.

Однажды папа сказал, что «двадцатый век — век атомной режиссуры», чем сильно поднял значимость этой профессии. Правда, это сразу многих испугало. Потому что дирижеры думали, что они самые главные, а выяснилось, что это не совсем так. Кроме того, дирижеры в опере считали, что они начальники театра, а когда появился режиссер, то пришлось потесниться. Но они сопротивляются. Обратите внимание, что раньше в Большом и Мариинском театрах были и дирижер, и глав-

ный режиссер. Сейчас режиссера пытаются не назначать, а приглашать из других театров. До этого в Большом театре много лет главным режиссером был папин однокурсник Борис Покровский, в «Современнике» был Олег Ефремов, на Таганке — Юрий Любимов, в Ленкоме — Анатолий Эфрос. Театры имели какую-то свою неповторимость, а сегодня зачастую они один от другого ничем не отличаются. Вот такая история.

— Георгий Александрович помогал вам в профессии?

— Вы знаете, папа мог помочь абсолютно постороннему человеку, но родственникам — никогда в жизни. Но когда кому-то удавалось что-то сделать самостоятельно, то он очень восхищался.

— С другими родственниками вы часто встречались?

— Мы общались очень часто. Мы с мамой жили отдельно, поэтому к папе я приходил по выходным. Если из-за определенной занятости я не поспевал, то папа или Натела (Натела Александровна Товстоногова, родная сестра Георгия Александровича, жена Евгения Лебедева. — Прим. авт.) каждый раз спрашивали: «Куда ты пропал?». Когда отыхал в Доме творчества в Репино, постоянно приезжал к ним на дачу в Комарово на велосипеде.

— О чем чаще всего велись разговоры в семье?

— Папа и Натела часто вспоминали эпизод из своего детства, как их напугала советская власть. Когда в 1937 году прямо на вокзале взяли их папу, моего деда, а потом расстреляли. Эта тема часто была главной в наших разговорах.

Часто рассказывал он о радостных мгновениях, связанных с театром. Ведь когда папа создавал спектакль, то все наше внимание было посвящено творческому процессу. Мы шутили, радовались и горячились, если в

Вадим Милков с отцом Георгием Товстоноговым на репетиции спектакля «Дон Карлос». Финляндия, 1979 г.

Евгений Лебедев, Георгий Товстоногов и Вадим Милков на репетиции спектакля «Смерть Тарелкина». 1983 г.

спектакле была трагическая история. Так, когда появился спектакль «Генрих IV», где Евгений Лебедев (народный артист СССР, муж Натели Александровны) совершенно гениально сыграл Фальстафа — тему преданного человека, — дома мы всегда обсуждали то, как ему удалось вынести на сцену такую человеческую боль. Собственно, еще ярче Евгений Лебедев показал это в «Холстомере». Он это делал так трогательно, что даже за столом во время обеда, глядя на него, сжималось сердце. Действие, созданное на сцене, продолжалось и в быту.

— Каким Георгий Александрович был дома?

— В театре он командовал артистами, нами он тоже иногда командовал. Но в быту он был абсолютно беспомощным. Когда я приходил к нему, он просил поправить шторы, потому что криво висят. Сам он не мог этого сделать, так же, как вбить в стенку гвоздь, чтобы повесить картинку. Несмотря на это, для нас сила его авторитета была настолько велика, что мы всегда относились к нему с пietetом; неважно, где мы с ним встречались — дома или в театре, у нас, у детей, отношение к нему было одинаковое. Но самым главным в его жизни всегда оставался театр.

Беседовала Татьяна АЛЕКСЕЕВА
Фото из архива Вадима МИЛКОВА

В честь юбилея

В день столетия Георгия Товстоногова в Большом драматическом театре состоялся «Вечер-посвящение Мастеру». Художественный руководитель БДТ Андрей Могучий отметил: «В этот день, 28 сентября, мы не просто вспоминаем прошлое, но и смотрим в будущее, мы понимаем, что актуальность традиции, которую заложил Товстоногов, — в постоянном обновлении, в поиске правды и подлинности во всем. Товстоногов отлично понимал время, в которое жил, и обладал великим даром ему соответствовать. Он как никто понимал необходимость движения вперед».

В этот день в БДТ был открыт бюст Георгия Александровича Товстоногова. Его создатели — скульптор Иван Корнеев и архитектор Вячеслав Бухаев, авторы памятника Товстоногову на Петровской набережной. Также состоялась презентация выставки «Товстоногов. Архивные материалы». Выставки, посвященные Товстоногову, открылись и в Музее театрального и музыкального искусства, в Театральной библиотеке, в Театре комедии им. Н.П. Акимова. В канун 100-летия со дня рождения Георгия Товстоногова имя режиссера было присвоено лайнеру авиакомпании «Аэрофлот».

Премьеры грядущего театрального сезона в Большом драматическом посвящены Г.А. Товстоногову. В главных ролях будут заняты ведущие артисты театра, артисты товстоноговской труппы. В ноябре в БДТ запланирована научно-практическая конференция «Товстоногов и современный театр», которая соберет ведущих специалистов в области театрального искусства, учеников Товстоногова, исследователей его творчества, практиков и теоретиков современного театра.

Говорят очевидцы |

В 1957 году Георгий Александрович пригласил на главную роль в спектакль «Идиот» по Достоевскому Иннокентия Смоктуновского. Вот как об этом вспоминает частная гостья Сестрорецка, доктор биологических наук Рива Ильинична Шендерова: «Спектакль поразил, ослепил, оглушил меня. Я абсолютно не помню убранства зала, занавеса, люстры, фойе. Все мои чувства и мысли были заняты театральным действием. Оно было огромным — спектакль продолжался пять с половиной часов — с 19 до 0 часов 30 минут — и шел буквально на одном дыхании. Побывав на спектакле, я рассказала о таком событии своему любимому учителю Виктору Николаевичу Сорока-Росинскому (В.Н. Сорока-Росинский — директор и создатель школы имени Достоевского

для трудных подростков, двое из которых, Григорий Белых и Леонид Пантелеев, в дальнейшем написали об этой школе книгу «Республика Шкид». — Прим. авт.), и он попросил меня достать билет и для него. Когда заведующий труппой узнал, что сам Виктор Николаевич хочет видеть спектакль, нам немедленно были выделены билеты в середине второго этажа. Учитель очень плохо видел. Он взял в театр полевой бинокль и буквально ни разу не отвел его от глаз. После спектакля я проводила учителя до его дома. Мы тихонько шли по пустынным улицам, и Виктор Николаевич восхищался постановкой Георгия Александровича Товстоногова. Учитель, любитель и тонкий знаток Достоевского, не нашел в спектакле ни одного изъяна».